

Понаровская И.

2/III 87

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
ПРАВДА УКРАИНЫ

2 АВГ 1987

г. Киев

ЭТА НЕПРОСТАЯ ЭСТРАДНАЯ ЖИЗНЬ...

Разговор с популярной
певицей после концерта
в полупустом зале

Есть старая театральная шутка о пессимисте и оптимисте. Первый, глядя в зал, вздыхает: «Наполовину пуст...». Второй в ответ бодро: «Да нет же — наполовину полон!»

Суди хоть так, хоть этак, но концерт с участием известной эстрадной певицы проходил явно без аншлага. Казус этот не имел ни малейшего отношения к самой артистке, к ее творчеству. Не являлся он показателем и того, что в данном городе меломаны в дефиците. Грех полностью на совести организаторов гастролей — Ровенской филармонии, которая не потрудились даже позаботиться об афишах. Ровенчане просто-напросто не знали о приезде Ирины Понаровской. Да и время концерта выбрано было не самое удачное — четыре часа, будний день...

В общем, выступать пришлось перед незаполненным залом. И обидно, и трудно. Но певица справилась с ситуацией. Нет, она не стала делать вид, что не замечает пустых кресел. И не пыталась изображать, будто это ей нипочем. А высказала естественное огорчение и тепло поблагодарила тех, кто все же пришел на концерт.

Отдача, с которой она пела немногочисленным зрителям, сказала о ней в плане человеческого и профессионального, пожалуй, больше, чем если бы это было триумфальное выступление в переполненном зале. Но когда после концерта мы зашли в комнату, отведенную для отдыха, то застали певицу глубоко задумавшейся. Не обиженной, не расстроенной — именно задумавшейся. Неловкие попытки утешить были нетерпеливо отвергнуты: «Не надо об этом». Но потом она нет-нет да и возвращалась к неудавшемуся (в

смысле малолюдности) концерту.

— Я понимаю, скорее всего это случайность, издержки организации. Но под ложечкой все-таки сосет: «А если нет?» Кажется, Леонид Утесов говорил: у артиста в конце зала всегда должно быть «зеркало», и горе тому, кто не умеет увидеть себя в нем таким, каким есть на самом деле...

И снова:

— Но ведь если бы в Ровно приехали Алла Пугачева или Валерий Леонтьев, небось зал сегодня ломился бы! Безо всякой рекламы! Значит, дело немножко и во мне...

Подумала:

— Наверное, это самоедство. С собой договориться сложнее, чем с кем бы то ни было... Я на сцене шестнадцать лет. Бывали удачи, бывали неудачи. Но в любом случае «ученическое» состояние — это мое непреходящее состояние. А вообще-то оно мне нравится. Охраняет от самоослепления.

— Вы кончали консерваторию по классу фортепиано. Что же вас привело на эстраду: случай или сознательное предпочтение?

— Начнем с того, что эстрада во мне заложена «генетически»: мой отец руководил одним из первых в стране джаз-оркестров, и я выросла в атмосфере, где прекрасно сосуществовала и серьезная и легкая музыка («серьезная» — это больше по линии мамы, она — концертмейстер). Так что, как видите, никакого противоречия в моем выборе нет. А тем более — «измены».

— Вы благодарны консерваторской школе?

— Еще бы. Она выработала меру, дала критерии. Научила отличать зерна от плевел. Я, как говорится, «знаю ноты». И часто отказываюсь от песенок, от шлягеров, которые, по всей видимости, широкой публике пришлись бы по вкусу.

— О вас говорят — приходилось слышать — как о певице с трудным характером.

— Есть доля правды. Малейший непрофессионализм меня раздражает. Но, честное слово, когда я сталкиваюсь с людьми, которые умеют и хотят работать, то испытываю подъем духа, благодарность, желание сотрудничать — и характер мой исправляется. К слову сказать, здесь в Ровно — я подружилась с группой «Жай-вир». Прекрасные, интеллигентные люди, тонкие музыканты. Мы будем вместе готовить большую программу, и я этому рада.

Понаровская принадлежит к числу исполнителей, для которых ритм, движение — неизменные компоненты сценического образа. И это для нее не дань моде, а, по-видимому, форма самовыражения, органически присущая. Поэтому нас интересовало ее мнение о нынешнем (на наш взгляд, чрезмерном) пристрастии молодежи к ритмам, к року с его модификациями.

— У вас нет ощущения, что этот «бум» угрожает вечным духовным ценностям?

— Им не страшны никакие угрозы. На то они и вечные. Что же касается, как вы говорите, «бума»... Когда-то наши подростки прямо-таки бредили битлами. Ребята не понимали смысла иностранных слов, но даже в

этой непонятности было некое дополнительное очарование. Этаким, что-ли, аромат «запрещенности». Вроде того, который мы испытывали когда-то, произнося название загадочного напитка «пепсикола». Аромат исчез мгновенно, как только в магазине купили бутылочку и самодовольно убедились — напиток как напиток, несколько не лучше нашего отечественного кваса.

— С «ароматом» заграничного рока, по-вашему, будет то же самое?

— Уверена. Но дело не в этом. Мне часто приходится встречаться с молодежной аудиторией, и вот как она ставит вопрос: мы хотим создать отечественную рок-культуру, это нас волнует... Не связано ли увлечение роком в какой-то мере с желанием вылететь от немоты? Может, это форма заявлять о себе? Согласна: иногда заявляют слишком громко. Взрослым от этого порой неуютно. Но мне кажется, «неудобные» молодые люди для общества менее опасны, чем никакие, чем эгоистичные мещане, чем равнодушные. Если же говорить о перспективе... Думаю, это направление очень скоро пойдет на убыль. Нынешние любители рока повзрослеют, а у следующего поколения будут иные увлечения...

— Да, но сегодня эта мода захватывает не только подростков. Многие исполнители — причем с давно устоявшейся репутацией — вдруг начинают совершать какое-то насилие над голосом, над обликом — в угоду галерке. Получается провинциально и жалко, а главное — деформирует вкус публики. Как вы относитесь к этому явлению?

— Разумеется, в искус-

стве надо оставаться самим собой и петь своим голосом. Но порой это труднее, чем ломать себя. Потому что страшно потерять публику. Вот многие и начинают метаться.

— А вам удастся остаться самой собой?

— Стараюсь. Никогда не нужно забывать о чувстве собственного достоинства, не считать себя игрушкой в руках публики. И не впадать в другую крайность — мнить себя ее властителем или властительницей. Мне хочется, чтобы мои зрители воспринимали меня не как «инопланетянку», а как такого же человека, как сидящие в зале... Как-то у одной известной эстрадной певицы в минуту откровенности я «по-бабьи» спросила: почему у нее нет ребенка — годы ведь уходят. Так, верите ли, она даже отшатнулась от меня: «Что ты! Я не имею права, я же актриса...» Не думаю, что зрителю нужны такие жертвы. Они обедняют — не только саму актрису, но и ее творчество. Я, например, счастлива, что у меня семья, сын, я люблю домашние дела, стараюсь своим близким создать нормальный быт.

Эстрада... Сейчас это, пожалуй, самое массовое (после кино) из искусств. И, наверное, всем уже ясно (артистам, зрителям): эстрада-властительница нуждается в обновлении. Естественно, в беседе с певицей мы коснулись и этой темы.

— Все мы ждем благих перемен, — сказала она. — Я, например, мечтаю, что будет создан театр песни. Не для избранных, а для всех, кто серьезно работает в нашем жанре.

И. СТЕССЕЛЬ.
А. БОЙЧУК.